ЛЕВ ТОЛСТОЙ КАК ЗЕРКАЛО КАВКАЗСКОЙ ВОЙНЫ

Росс. газета. - 1995. - 21 янв. - с. 7.

НИ ОДНОМУ РУССКОМУ ПИСАТЕЛЮ И В ГОЛОВУ НЕ ПРИХОДИЛО ОСУЖДАТЬ РУССКИХ СОЛДАТ

Молодой человек (ему нет еще 25 лет) по собственной охоте поехал на Кавказ и оттуда прислал рукописи в редакцию самого популярного журнала. Попробуем взглянуть на них глазами современного критика.

Итак, читаем: «...по сторонам дороги представлялись мне то скалы, то животные, то какие-то странные люди,— и я узнавал, что это были кусты, только тогда, когда слышал их шелест и чувствовал свежесть росы, которою они были покрыты».

— Господи! Какая роса, какие кусты, зачем все эти «исполненные таинственной прелести звуки ночи». Что этот мальчишка не понимает, что он участвует в бесчеловечной акции, в несправедливой войне против маленького гордого народа! И вообще, что такое — бросить университет и стать контрактником. Там таких даже в плен не берут. Нет, господа, русская литература — это прежде всего совесть!

Вы представляете, с какой хладнокровной точностью и совершенно неприличным спокойствием описывает он поведение наших войск в занятом ими ауле. Вот послушайте: «Там рушится кровля, стучит топор по крепкому дереву и выламывают дощатую дверь; тут загораются стог сена, забор, сакля, и густой дым столбом поднимается по ясному воздуху. Вот казак тащит куль муки и ковер; солдат с радостным лицом выносит из сакли жестяной таз и какую-то тряпку; другой, расставив руки, старается поймать двух кур, которые с кудахтаньем бьются около забора; третий нашел где-то огромный кумган с молоком, пьет из него и с громким хохотом бросает потом на землю».

— Ну хорошо,— продолжает критик,— пусть здесь он играет в объективность, но посмотрите следующую рукопись:

«Прикажете навести орудие! — обрывистым басом вдруг спросил Антонов с видом какой-то угрюмой злобы.

Признаюсь, мне и самому этого очень хотелось, и я велел навести второе орудие».

Да послушайте — это же искренность, граничащая с беспредельным цинизмом! В кого же он стреляет?! Зачем вы это мне подсунули! Читал ли это кто-нибудь предварительно!

Да, читал, — отвечают ему. Вот отзыв: «Знаешь ли, что это такое! Это очерки разнообразных солдатских типов (и отчасти офицерских), то есть вещь, доныне небывалая в русской литературе. И как хорошо!»

Кавказская война.

— Какая антиобщественная личность автор этой рецензии! — восклицает до предела возмущенный современный демократ.

— Между прочим — сообщают ему,— это певец скорби и печали русского народа Николай Алексеевич Некрасов написал о своих впечатлениях от кавказских рассказов Ивану Сергеевичу Тургеневу. Тот тоже был в восторге от прозы молодого офицера.

— Как, и Тургенев туда же...

Эту игру можно продолжать еще долго, но откроем карты: речь идет не о литературоведении, а о реальных фактах, которые ускользали от исследователей, а сейчас в силу известных событий в Чечне нас интересуют. В рассказах (скорее даже очерках) «Набег» и «Рубка леса» Льва Толстого описаны две типичные боевые операции.

В первом случае — это карательная экспедиция. Ее цель — уничтожить аул, жители которого, видимо, в чем-то провинились, и взять пленных для последующего обмена. И цель была достигнута.

Во втором случае описан один из эпизодов массового и планомерного уничтожения лесов на Кавказе. Собственно говоря, описаны два основных способа ведения той кавказской войны. Это кинжальные удары экспедиций и, как бы сказали военные историки позднее, «метод русского парового катка» — то есть планомерное продвижение в глубь территории противника путем уничтожения естественных укреплений.

Кроме того, русскими практиковался и такой метод, как взятие заложников, применялись и политические средства типа «разделяй и властвуй». Умело использовались внутринациональные противоречия, племенная рознь, борьба за власть между вождями.

Одним словом, какой из методов, хоть военный, хоть политический, ни возьмем, хорошего в них с точки зрения современной «демократической» морали нет. Однако же вот какая наблюдается странность — отношение общества, даже самой передовой его части к самой войне не было отрицательным. Это не значит, что они ненавидели горцев. Тут скорее даже симпатия была, а если точнее — интерес сродни этнографическому. И невысказанное подсознательное убеждение в том, что любой горец в общем-то, как бы сказали сейчас, человек совершенно иного и вдобавок враждебного менталитета. Любопытно, что Толстой, проведя три года на кавказской войне, в своих рассказах называл местных жителей «татарами».

Ну, хорошо, Пушкин, Лермонтов, Толстой, Некрасов с Тургеневым — это все белая кость. У них, говоря современным языком, имперское сознание в генах, но вот пришли новые люди и стали определять настроение общества. Ну, скажем, те же демократы Добролюбов и Чернышевский. Эти публицисты, несмотря на явную эстетическую слепоту, глубоко копали. И могли бы пройтись насчет «кровавой мясорубки», тем более что кавказская война была первопричиной еще и трех «больших» войн, включая севастопольскую. Кстати, как вы помните, на одной из этих войн Пушкин с пикой в атаку скакал. Ну хотя бы не в подцензурной печати, а в письмах, в разговорах с современниками осудили они кавказскую войну? Об этом нигде ни слова.

История забавна своей повторяемостью. И в прошлом столетии были «светлые шестидесятые», их тоже называли временем больших надежд. Большую часть этих шестидесятых годов кавказская война продолжалась. Беспощадные к российской действительности писатели-разночинцы, которые по нынешним понятиям «лепили сплошную неконструктивную чернуху», тоже как-то не додумались бросить из-за войны на Кавказе камень в правительство, а уже тем более в русского солдата.

Сделаем скидку на то, что в то время они были уверены, что действуют заодно с правительством. Но не прошло и десятка лет, как эта иллюзия рассеялась. И уход в подполье, и первые террористические акты совпадают с тем временем, когда Россия завоевывает Хиву и Бухару. Этот «бросок на юг» был вынужденным, поскольку англичане начали превращать Среднюю Азию в зону своих интересов. Но в газетах об англичанах по понятным причинам не писали, и для общества эта война была совершенно непонятной. Поход был кровавым — вспомните горы из голов русских солдат на картине Верещагина. Казалось бы, какой соблазн для тех диссидентов — вылить ушаты грязи на правителей за пролитие в неведомо чьих интересах русской крови — в подпольных изданиях или в тех, что выходили за рубежом. Однако же не воспользовались.

Подобные примеры можно продолжать вплоть до войны четырнадцатого года, когда появились первые пораженцы. К ним мы еще вернемся, а пока попробуем выяснить, откуда корни не понятного для нас национального единодушия. Объяснить это явление тем, что в человека с детства вколачивали государственный патриотизм, по отношению к тем людям, о которых я говорил, будет, по крайней мере, нелепо. Они всегда были если не враждебны к государству, то уж, по крайней мере, в оппозиции. Вообще казенный патриотизм у нас никогда в чести не был. Толстой, который, кстати, очень тяжело переживал наше поражение в Японской войне, говорил, что его рвет от слова «патриот». Наверное, потому, что под этим знаменем, как и сейчас, объединялась не самая, мягко говоря, образованная часть общества.

Можно, конечно, сказать, что мыслящее общество делилось на западников и славянофилов, а восток был просто-напросто чужд. Но в этих, видимо, бесконечных, интеллектуальных поединках в лучшем случае участвовало (и участвует) два десятка человек. Одним словом, если мы будем плутать в понятии «общество» с его бесчисленными противоречиями — то ничего не добьемся. Тем более что общественные формации меняются, но от того, что феодализм сменился капитализмом, а тот, в свою очередь, каким-нибудь недоразвитым социализмом или еще чем-нибудь неопознанным, японцы не перестают быть японцами, французы — французами, а русские — русскими. Нет, тут нечто другое. Люди объединяются национальными чувствами, которые выше классовых и сословных. И нечто вроде инстинкта самосохранения побуждало людей самых разных взглядов и слоев общества беречь это национальное чувство.

Предвижу вопрос: покажите, что это такое? Общий язык, идеология, культура, быт, география? Любопытных отсылаю к специальным научным работам, например, к книге Льва Гумилева «Этногенез и биосфера земли».

Лично мне кажется вполне понятным и как материя «доступным в ощущениях» то, что я вытащил у того же Гумилева. Пересказываю не дословно: человек всегда группировался так, чтобы можно было противопоставить себя и «своих» (иногда близких, а часто довольно далеких) всему остальному миру.

Вот это ощущение «мы и они», наверное, испытывал каждый взрослый человек, выросший и работавший в нашей многонациональной стране. Это ощущение не говорит о превосходстве. Оно говорит о разнице нашего мировосприятия.

Проработав больше полутора десятка лет спецкором и исколесивши Союз вдоль и поперек, я об эту разницу, настоящую и мнимую, все время спотыкался. Мне казалось и до сих пор кажется верхом идиотизма разделять, например, русских и белорусов, и таким же противоестественным представлялось определение «единая общность советский народ» в Прибалтике или Туркмении. Вообще быть русским было в нашей работе довольно неудобно — не на кого было жаловаться. Хотя в нашей империи все было шиворот навыворот. «Старший брат», сам оставаясь без порток, неустанно пекся о благоденствии младших, которые, хоть и жили богаче, но не уставали жаловаться на горькую свою участь.

Впрочем, чтобы не быть субъективным, сошлюсь на человека, который более глубоко изучал этот вопрос. Вот слова А. Солженицына: «Начинается вообще страшная вещь. Она состоит в том, что мы находимся в национальном обмороке, до которого нас довело 70-летие большевизма. Мы потеряли ощущение национального чувства. В нас оно искоренялось, выжигалось. Поддерживалось только в национальных республиках. А в русских людях оно считалось преступным».

А теперь вспомним, с чего началось это искоренение. С создания Союза? Нет, гораздо раньше. Оно началось с пораженческих лозунгов Ленина и небольшой группы его единомышленников. Впервые в истории России политическая партия открыто выступала за поражение собственного народа, позднее, в семнадцатом, эта партия целенаправленно разваливала армию, призывая к дезертирству, неповиновению командирам. В борьбе за власть Ленин не брезговал никакими средствами, тем более крупными, германскими. Для немцев этот союзник был, пожалуй, посерьезнее, чем Турция. Зато уж и расплатился Владимир Ильич со своими спонсорами с присущим ему размахом. Так, что даже самые близкие соратники поначалу отшатнулись. Но он методом шантажа и насилия (6 июля) все-таки добился ратификации грабительского мира и отдал половину страны Германии, у которой только и хватило сил, чтобы вывезти русское добро и немедленно капитулировать.

Призыв к поражению русских, выступление на стороне противника закономерно привело потом власть к геноциду против собственного народа. Не буду проводить прямых аналогий. Каждый, кто прочитал заметку, уже это сделал.

Владимир КУЗЬМИЩЕВ.